

Светлана Рощина

Ни стыда ни совести

12+

Светлана Рощина

Ни стыда ни совести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747573

SelfPub; 2020

Аннотация

«Ни стыда ни совести» – книга-размышление, ориентированная на диалог с читателем. Автор делится историями из своей жизни, рассказывая о том, до какой степени наглыми и бессовестными могут быть люди, и высказывает свои соображения по данному поводу.

Содержание

Предисловие	4
В чужом глазу	9
Нынче совесть не в чести	22
Доброта и разбитые судьбы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие

В юности я считала всех людей добрыми. В каждом я старалась видеть только хорошее и даже тем людям, которые совершали в отношении меня плохие поступки, я искала оправдание, объясняя их поведение своими собственными огрехами, спровоцировавшими других на недостойные поступки.

В статьях по психологии, которые я потом читала, указан корень подобного поведения таких, как я. Токсичное поведение родителей в отношении своего ребёнка, которого с малолетства наказывают за любой проступок, реальный или мнимый, прививая тому гипертрофированное чувство вины, со временем приводит к появлению огромных комплексов, которые потом очень сильно портят человеку жизнь.

Да, это мой случай. Но сейчас я не хочу говорить о том, как плохо обращались со мной родители, и сколько бед из-за этого мне довелось пережить, потому что я не могла своевременно дать отпор обидчику, полагая, что заслужила плохое обращение с собой. Я хочу сказать о том, что даже и в тех случаях, когда я никоим образом не способствовала тому, чтобы человек, находящийся рядом со мной, поступил мерзко, гадко и недостойно, подобные случаи имели место быть. И дело было не во мне, а в людях, полностью утративших нравственные качества и растерявших все моральные

ценности, которые им когда-то внушали.

Я разучилась верить людям. Разучилась разговаривать по душам с живым человеком, не воспринимая даже общение через электронные устройства. Моим единственным собеседником стал чистый лист бумаги или же пустой файл, который я могла заполнить своими мыслями. Но дело не только в том, что я сама часто попустительствовала недостойным людям, позволяя им оттачивать своё чёрное ремесло на таком безответном существе, каким была я. Дело в том, что мир и вправду изменился в худшую сторону. Люди изменились в худшую сторону, потому что, отвергнув высокие моральные принципы советских времён, их не заменили новыми, создав духовный вакуум, да ещё и навязали в придачу мелкобуржуазные и мещанские ценности, заставляющие человека думать и заботиться исключительно о себе и собственном достатке, отучив мыслить на перспективу.

Со временем то большое и светлое чувство, которое я испытывала ко всем людям, стало уменьшаться, постепенно сжимаясь до размеров атома, потому что практически ежедневно мне приходится сталкиваться с проявлениями гнили человеческой души. Складывается впечатление, будто людям нравится совершать злые поступки, унижать и обижать своего ближнего. И я никак не могу взять в толк, какое удовольствие можно получать от того, что причиняешь вред другому человеку? Разве можно радоваться тому, что причинил кому-то боль? Или я что-то не понимаю в этой жизни?

Я всё время вижу, как люди постоянно и всюду третируют себе подобных, и в этой схватке выживают лишь те, кому удаётся полностью подавить в себе человечность и милосердие, заменив их эгоизмом и жестокостью.

Мне чуть ли не силой приходится заставлять себя переосмысливать своё поведение, подавляя свои альтруистические порывы в тех случаях, когда мою доброту начинают использовать мне же во вред. И я даже добилась некоторых успехов в этом отношении, начав скидывать со своих плеч особенно наглых представителей рода человеческого. Но это – тяжёлая борьба, и я не могу не замечать, как слабеют мои силы и подтачивается мой моральный дух. И когда мне становится особенно невыносимо, когда боль от несправедливой обиды слишком сильно давит на сердце, я открываю свой блокнот и записываю всё то, что взволновало меня, в надежде обрести если не помощь, то хотя бы душевный покой на какое-то короткое время, пока новая несправедливость не вынудит меня снова принимать успокоительное и выплёскивать свои мысли на бумагу.

На протяжении нескольких лет я записывала истории, свидетелем которых мне довелось быть, снабжая их своими личными комментариями и выводами. Их темой является проблема утраты нравственных ценностей нашим обществом и конкретными людьми, с которыми мне не посчастливилось иметь дело.

Я знаю, что многим моим согражданам сейчас приходится

нелегко, и тяготы времени, в котором нам приходится жить, накладывают свой отпечаток на поступки людей, а также на их души. Но, может быть, именно сейчас, как никогда, особенно важно оставаться достойным человеком, проявляющим чуткость и милосердие к своему ближнему.

Почти два столетия назад наш великий соотечественник Михаил Юрьевич Лермонтов, предвывая свой бессмертный роман о Герое нашего времени, написал, что «довольно людей кормили сластями; от этого у них испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте однако после этого, чтобы автор этой книги имел когда-либо гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от этого невежества! ... Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж Бог знает!»

Подписываюсь под каждым словом этого великого человека.

Выныривая из темноты своего уединения, хочу представить на суд читателя свои статьи, герои которых растеряли то хорошее, что, вероятно, когда-то было в их душах, но они даже не заметили этого, и потому не видят ничего предосудительного в том, чтобы продолжить и дальше жить так, как они живут сейчас. Быть может, кто-то узнает в этих героях своих знакомых или соседей, а может, и самого себя и задумается, как задумалась я, о том, стоит ли представлять в таком виде перед нашими потомками, которые изучая в школе первую четверть двадцать первого века, будет отмечать в лю-

дях нашей эпохи тотальное падение нравственности, которое вполне способно сокрушить изнутри даже великую державу.

В чужом глазу

Когда мы переехали в новую квартиру, стало очевидно, что с соседями нам не повезло. Причём не повезло катастрофически.

Соседи сверху шумели круглосуточно. Днём они делали ремонт, просверливая стены, которых, на мой взгляд, за несколько лет у них просто не должно было остаться, а вечером и ночью играли на пианино, смотрели на полной громкости телевизор и выясняли свои отношения на матерном языке. Причём без перерыва на сон. На любые попытки усмирить их, они не реагировали, посылая всех матом и заявляя, что могут делать на своей собственности всё, что хотят и когда хотят.

Соседи сбоку показались мне милой и симпатичной парой, занимающейся зарабатыванием денег. Но моя симпатия испарилась ровно в тот момент, когда наступил выходной, и эти товарищи с утра до поздней ночи стали слушать «Радио Шансон». И, видимо, у них в квартире имелась хорошая стереосистема, причём установленная у той стены, которая одновременно являлась стеной нашей квартиры, только с другой стороны. Когда эти люди включали музыку, то громкость была такая, что от неё невозможно было никуда спрятаться. Слышно было на весь подъезд. И, как я поняла, соседи сбоку предпочитали проводить свой досуг исключительно под ре-

пертуар «Радио Шансон». Хотя бы они выбрали другую радиостанцию! В довершение этого стены нашей квартиры начинали сильно вибрировать, едва раздавались звуки «Радио Шансон», равно как и пол. У нас даже мебель тряслась, когда работала стереосистема соседей.

И если кто-то подумает, что мы сами виноваты, что не предпринимали никаких мер, чтобы усмирить своих шумных соседей, то сообщу, что мы и по-хорошему с ними пытались поговорить и по-плохому пытались решить проблему, вызывая полицию. Но это давало лишь кратковременный эффект, иногда лишь на несколько часов.

А соседи снизу показались мне самыми приличными людьми, с которыми, я надеялась, можно общаться. Это была семья из трёх человек: мама, папа и маленький сын. Они вежливо здоровались, по крайней мере, поначалу и выглядели очень обеспеченными людьми. У них был автомобиль стоимостью два миллиона. У соседки была шикарная норковая шуба, купленная явно не на рынке. Да и сама эта женщина выглядела очень ухожено: аккуратно выкрашенные волосы, маникюр, макияж. И поскольку одевалась она в молодёжном стиле, выставя все свои телеса напоказ, я подумала, что ей чуть за тридцать.

И поскольку это семейство показалось мне наиболее перспективным в плане соседской дружбы (чтобы было кого попросить поливать цветы во время отъезда), я попыталась сойтись с ними ближе, но любые попытки завязать разговор

не на общепринятые темы, ими не приветствовались. Хотя рассказать что-то о себе, либо похвалиться чем-либо эта женщина очень любила. Однако стоило мне, в свою очередь, что-то поведать о себе, так она тут же смолкала, и её непроницаемый взгляд ясно давал понять, что ей абсолютно неинтересно меня слушать.

Что ж, насильно мил не будешь. А я никогда и никому не навязывала своего общества, поэтому я тоже стала ограничивать своё общение с соседями снизу словом «здратье».

Более того, эта дамочка стала постоянно делать мне замечания. Мол, то мой сын слишком громко прыгает, то роняет что-то, из-за чего они не могут отдыхать и заниматься своими делами. И это притом, что я постоянно слежу за своим ребёнком, и если он начинает чересчур энергично играть, то вывожу его на улицу, чтобы он там побегал и выплеснул излишнюю энергию.

А однажды около девяти часов вечера соседка снизу заявила к нам и потребовала, чтобы мы прекратили играть на пианино, потому что она укладывает ребёнка спать.

– Вы знаете, я не могу прекратить играть на пианино по одной причине, – ответила я ей. – У нас его нет.

– Как? А кто же тогда всё время играет на пианино и делает ремонт? – удивилась дамочка.

– Это соседи с шестого этажа, – ответила я. – Если не верите, зайдите к нам в квартиру и послушайте. И у вас не останется сомнений в том, кто же является источником шума.

Соседка зашла к нам в квартиру, огляделась и прислушалась. После чего поняла, что все её обвинения в наш адрес были напрасными, но не пожелала признавать свою ошибку.

— У вас совершенно нет никакой звукоизоляции в квартире! — заявила она мне. — Неудивительно, что мы всё слышим. Вам нужно ковры на стенах повесить и на пол тоже постелить.

— У меня аллергия на пыль, — сквозь зубы процедила я в ответ.

И хотя никакой аллергии у меня нет, я сказала так для того, чтобы она отстала со своими претензиями. Ну не люблю я ковры! Они напоминают мне эпоху советских времён, когда ковры считались символом богатства, поэтому каждая семья старалась приобрести как можно больше ковров, устлая ими все полы и завешивая ими все стены. А я предпочитаю на стены вешать картины, а по полу ходить босиком. Нравится мне, когда ногам свежо и прохладно. А если мои вкусы с соседскими не совпадают, это уже не моя проблема.

В общем, отношения с соседями, живущими на четвёртом этаже, у нас сложились натянутыми. Я старалась избегать их, а они не очень-то горели желанием общаться со мной.

Дни текли своим чередом, но в последнее время к постоянным шумам, создаваемым соседями сверху и сбоку, добавились подозрительные звуки, которые я сначала восприняла как вой, но затем поняла, что это было музицирование. Кто-то пел очень высоким голосом одну-единственную фра-

зу целый день. И поскольку обычным источником шума были соседи с шестого этажа, имевшие к тому же пианино, я предположила, что песнопение тоже исходит от них.

А вой продолжался. Я практически всё время ходила дома с ватой в ушах и шарфом на голове, а мои мысли из жизнерадостных превращались в кровожадные и опасные. И чтобы хоть немного выплеснуть негатив из себя, я села писать кровавый детектив, в котором изливала свои реальные ощущения и наблюдения.

И вот однажды, когда я забирала сына из школы, то разговорила со своей новой подругой, мамой одноклассника моего сына, и поведала ей о многочасовых песнопениях, разъедающих мой мозг. Я предупредила подругу о том, что, если она вдруг не сможет до меня дозвониться, то это не потому, что я не желаю с ней общаться, а потому, что в моих ушах вата, а на голове шарф или же наушники, в которых я смотрю фильмы на полной громкости.

И во время этого разговора соседка с нижнего этажа тоже пришла в школу за сыном. И она услышала мои слова. А на следующий день утром, когда мы с сыном выходили из дома, обратилась ко мне.

– Я слышала вчера Ваши слова, – после приветствия сказала она мне. – Это я занимаюсь вокалом. Я профессиональная певица и мне необходимо постоянно репетировать. Так что Вам придётся потерпеть. И вообще, почему Вы днём находитесь дома? Разве Вы не работаете? – перешла соседка от

оправданий к обвинениям в мой адрес.

– Да, сейчас я сижу дома, потому что когда ребёнок ходит в начальную школу, маме выгоднее не работать, а заниматься своим малышом, потому что в противном случае придётся большую часть зарплаты тратить на няню.

– Да, няни нынче дороги, – согласилась соседка, так как и для неё этот вопрос был актуальным. – Если устраиваться на работу с зарплатой менее пятидесяти тысяч, то в этом не будет смысла, так как все деньги будут уходить на оплату услуг няни и на проезд до работы и обратно. Причём няня даже уроки делать с ребёнком не будет. И готовить есть ему тоже не будет. Лишь заберёт из школы после продлёнки, погуляет с ним и посидит дома до приезда родителей. Ну и ещё может покормить ребёнка тем, что заранее приготовила мама.

– Вот я и решила, что пока сын не перейдёт в пятый класс, то для меня будет выгоднее сидеть дома, – сказала я соседке, надеясь, что она поняла мою ситуацию. – К тому же сейчас у меня есть возможность помогать сыну с уроками и заниматься с ним английским языком. Поэтому он и учится в основном на «пятёрки».

– Ну, уж ради оценок в школе вообще не стоит отказываться от работы! Даже если ребёнок станет учиться только на «тройки» и «двойки», это будут его «тройки» и «двойки», а не мамыны. Я, например, своей старшей дочери, которой, кстати, уже двадцать четыре года, вообще никогда не помогала с уроками! Да, у неё были плохие отметки, но это были

её отметки, и я совершенно спокойно к этому относилась. А сейчас она учится в педагогическом институте имени Шолохова. Вы, наверное, о таком не слышали. Это очень серьёзный и престижный ВУЗ, – с умным видом добавила соседка, желая подчеркнуть моё невежество.

Вообще-то я прекрасно знаю этот институт, потому что большую часть сознательной жизни прожила в Москве в районе Выхино рядом с этим учебным заведением, но в тот момент я не стала сбрасывать с пьедестала свою горделивую соседку, потому что не люблю унижать людей. Педагогический институт имени Шолохова, хотя и носит такое прекрасное название, на самом деле считается высшим учебным заведением не самой высокой категории. Так что я бы на месте соседки не стала бы так сильно гордиться дочерью, которая сначала абы как училась в средней школе, а потом поступила в высшее учебное заведение такого уровня. И какой из этой девушки впоследствии выйдет специалист, даже думать не хочется.

Но из всей этой истории становился очевидным тот факт, что, во-первых, соседке отнюдь не тридцать, а уже явно за сорок, просто она хорохорится, из-за чего создаётся впечатление, что она моложе своего возраста, а во-вторых, мне стали абсолютно ясны причины её высокомерного поведения, так как эта дамочка, как бы между делом, упомянула о том, что у её мужа есть трое детей от предыдущего брака. И все эти факты в совокупности приводят меня к одному выводу.

Эта дама – разлучница. Увела своего нынешнего мужчину из первой семьи, родив ему долгожданного сына, и теперь до чёртиков боится, как бы другая женщина, помоложе и поэнергичнее, точно так же не перешла ей дорогу. Отсюда и её стиль одежды, поведение и нескрываемое желание убрать всех женщин с пути своего мужа.

– Но если бы Вы каждый день работали в офисе, то и проблем у Вас бы не было. Я бы могла спокойно репетировать дома и не мешать Вам. Вот, например, мой муж уезжает на работу в пять утра, а возвращается в десять вечера, так что ему мои занятия вокалом совершенно не мешают, – назидательным тоном завершила свою речь соседка.

И по её виду, а также по интонации голоса было очевидно, что эта дама воспринимает меня как муху, которая одним фактом своего существования мешает ей жить.

Но интересно одно. Даже если бы я каждый день работала в офисе, то это всё равно не спасло бы меня от песнопений, которые мне и моим детям доводится слушать в выходные дни и в праздники. Уж и не знаю, когда и где эта дама даёт свои выступления, если уж она именует себя профессиональной певицей, этот факт находится под большим вопросом. Но то, что она каждый божий день с утра до позднего вечера воет у себя дома – совершенно неоспоримо. Видимо, в её понимании мы вообще не должны появляться в своей квартире. Приехали раз в месяц, вынули из почтового ящика квитанцию на оплату жилищно-коммунальных платежей,

отплатили и убрались восвояси, чтобы не мешать «добрым» соседям день и ночь заниматься своими делами.

И уж, конечно, эта дама считает, что люди покупают себе трехкомнатные квартиры исключительно для того, чтобы потом целыми сутками пропадать в душном крошечном офисе, сидя за крошечным столом с кучей других таких же бедолаг и работая за стареньким компьютером, который виснет каждые десять минут и специально не сохраняет последние данные, чтобы у работника была возможность как можно больше проводить времени за рабочим столом, перепечатывая то, что уже было им напечатано десятки раз.

Конечно, разве можно отказаться от такой перспективы в пользу дистанционной работы на дому? Ну что вы! Дома же слишком хорошо, чтобы можно было работать и зарабатывать деньги! Поэтому проваливайте скорее на работу, чтобы вашим прекрасным соседям спокойнее жилось в своих квартирах!

– А скажите, пожалуйста, сколько времени в день занимают Ваши музыкальные занятия? Мне это нужно для того, чтобы определиться и спланировать свой распорядок дня, – напоследок поинтересовалась я у соседки.

– От получаса до двух. Не больше, – сразу же ответила она. – Ведь связки тоже долго нельзя напрягать, им нужен отдых! К тому же в комнате, где я репетирую, у нас сделана звукоизоляция, так что я просто не могу понять, как Вы можете что-то слышать.

В общем, поговорили мы и разошлись. А я успокоилась, что всё, наконец, прояснилось. Да и информация о том, что музыкальные репетиции соседки будут продолжаться не более двух часов в день, порадовали меня, так как до этого песнопения длились часов по двенадцать. И в течение ближайших двух дней так и было. Репетиции были недолгими, и, когда они начинались, я отправлялась в магазин или начинала стирать, чтобы напрасно не напрягать свой слуховой аппарат.

Но я рано радовалась. Через пару дней продолжительность репетиций резко возросла. Теперь они длились по пять-семь часов, да и ноты, которые брала соседка, были такими высокими, что у меня уши закладывало, никакие наушники не помогали. И о какой звукоизоляции она там говорила? По-моему, этим и не пахло. Или она считала звукоизоляцией парочку ковров в своей комнате?

Я просто не знала, что делать. Хоть из квартиры беги. И тогда я стала изучать законодательство. Должны же были существовать какие-то ограничения для тех жильцов, которые профессионально занимаются музыкой! И я перерыла всё: от федерального до регионального законодательства. Ничего. На своей собственности человек может заниматься всем тем, что его душе угодно и что не запрещено законом. Хоть хоровым пением, хоть ирландскими танцами. Только по закону «О тишине» в интервале от двадцати трёх часов ночи до шести утра шуметь нельзя. А что же делать в остальное

время? Ведь сейчас очень многие люди работают на дому, выполняя свою работу дистанционно от основного офиса и переправляя результаты выполненных заданий по Интернету. И я бы тоже могла работать таким образом. Но только как прикажете это делать, когда твой мозг ежедневно просверливают оперным пением? Причём не какими-нибудь ариями или либретто, а одной-единственной фразой или нотой несколько сотен или даже тысяч раз подряд?

Из истории я узнала, что ещё в девятнадцатом веке поднимался вопрос о том, чтобы на законодательном уровне ввести запрет на музыкальные занятия, если в это время сосед находится дома. Но подобный закон так и не был принят. А было бы совсем неплохо, учитывая нынешнее развитие технологий, принять подобные ограничения. Или хотя бы обязать лиц, покупающих музыкальные инструменты, делать в своей квартире полную звукоизоляцию. Не на словах, а на деле. И без соответствующей справки из ЖЭКа или из управляющей компании не продавать музыкальный инструмент. Ведь существует же подобная схема при покупке оружия! Прежде чем человек не приобретёт сейф и не создаст на своей жилой площади условия для сохранности оружия, что должно быть подтверждено документально участковым уполномоченным полиции, лицензионно-разрешительный отдел не выдаст разрешение на покупку оружия, а продавец не продаст ни пистолет, ни ружьё человеку, желающему их приобрести. Так почему же с музыкальными ин-

струментами нельзя поступать точно так же? И если кто-то сейчас не согласится со мной, то, вероятно, ему очень повезло с соседями. А у меня ситуация как в анекдоте. Сверху – бесконечный ремонт, ругань и мат, а также неумелое бряканье на пианино, справа – «Радио Шансон» на полной громкости, а снизу – оперное пение. Возможно, если бы слева у нас были ещё соседи, то и они бы тоже что-нибудь отчебучили. Но, по счастью, у нас угловая квартира и слева никого нет. Только стройка, наличие которой тоже не сильно радует, особенно летом, когда невозможно открыть окно. Уж повезло, так повезло.

Но больше всего в этой ситуации меня поражает тот факт, что соседка снизу, которая постоянно жалуется на то, что мы, якобы, шумим и не даём ей отдыхать, хотя более спокойных, тихих и мирных соседей, по-моему, в мире не существует, сама создаёт такой шум, что хоть из дома беги. Как говорится, в чужом глазу и соломинку вижу, а в своём бревна не замечу.

К тому же, если бы эта дамочка была бы действительно жутко интеллигентной и воспитанной, которой казалась вначале, я бы более снисходительно относилась к её запросам, списывая их на издержки воспитания и правила общества, в котором она вращается. Но теперь-то я знаю, какова она на самом деле, и все её запросы – лишь понты, ширма, за которой прячется мелочная и склочная душонка, которая ради собственного благополучия переступит через любого, кто

встретится ей на пути.

Нынче совесть не в чести

С детства я жила в бедности. Мои родители были родом из деревни и не имели ни высшего, ни даже среднего специального образования, и потому зарплаты у них были небольшие. Но они даже не старались как-то улучшить своё благосостояние, довольствуясь малым и всячески экономя на своём старшем ребёнке, то есть на мне. Поэтому я всегда хотела много зарабатывать, чтобы вырваться из нищеты и чтобы мои дети никогда не узнали, что такое голод.

Я много училась, старалась делать карьеру и во многом даже преуспела и я считаю, что мои дети ничуть не обделены, хоть и не имеют лишнего. Однако все мои усилия по приобретению материальных благ всегда оканчивались полным крахом и, к сожалению, не по моей вине.

Поскольку родители мне не покупали ничего, кроме школьной формы, то на покупку остальной одежды мне приходилось зарабатывать самой. С четырнадцати лет в каникулы и после школы я была вынуждена работать тростильщицей на ткацкой фабрике, чтобы заработать денег. Но платили мне как ученице, к тому же я работала неполный рабочий день и потому зарабатывала гроши. Их хватало лишь на покупку бракованных кусков ткани в комиссионном магазине, из которых я сама шила себе одежду на уроках труда. И к окончанию школы у меня был уже неплохой гардероб для

своего времени (на дворе был 1991 год – период страшного дефицита и жуткой инфляции). Но стоило мне в 1994 году выйти замуж, как родители сразу же избавились от всех моих вещей. Даже не знаю, как им удалось это сделать так быстро, но когда через неделю после свадьбы я с мужем приехала к родителям, чтобы забрать кое-что из одежды, оказалось, что забирать нечего. Весь мой гардероб, включая обувь, а также тетрадки, учебники, конспекты и другие важные для меня вещи, полностью исчезли. Мама сказала, что мою одежду они отвезли в деревню и раздали родственникам, а остальное просто выкинули за ненадобностью. Мол, муж купит мне всё новенькое. Но только беда была в том, что муж женился на мне не для того, чтобы баловать подарками, а потому что ему была нужна домработница с интим-услугами, которая к тому же будет вместо него писать конспекты, делать контрольные и курсовые работы, да и вообще станет сама содержать себя и будущих детей. Но это открытие мне ещё предстояло сделать, а в тот момент я оказалась на пороге страшной реальности: фактически в одночасье я лишилась плодов нескольких лет упорного труда и страшной экономии просто потому, что моей маме захотелось освободить несколько полок в шкафу для своей младшей дочери. Но я это пережила и продолжила трудиться и зарабатывать дальше.

Два года спустя, когда после тяжёлых родов я боролась за свою жизнь в реанимации, муж с лёгкостью потратил все мои валютные накопления, которые я старательно отклады-

вала к рождению ребёнка, за похороны внезапно умершего отца, нашедшего смерть по своей глупости, так как по пьяной лавочке он переходил дорогу в неположенном месте. И хотя муж в то время очень хорошо зарабатывал, а свекровь вообще ни копейки не тратила из своей пенсии, так как сидела на шее своего мужа и сына, никто из них не пожелал воспользоваться своими деньгами, без малейших угрызений совести забрав для своих нужд мои деньги. В итоге я вышла из роддома абсолютно нищей, не успев даже купить достаточное количество приданного для новорождённой дочери. Снова пришлось голодать и пользоваться чужими обносками, так как ничего другого мне не оставалось.

Моя жизнь была очень тяжёлой, но я всё время старалась хоть как-то укрепить своё благосостояние. Я не могла себе позволить покупку шикарной одежды или украшений, а также новомодной техники, но я покупала книги русских и зарубежных писателей, в произведениях которых я пряталась от тягот реальной жизни.

Я покупала их понемногу, но всегда в хорошем издании с золотым теснением, чтобы приятно было их держать в руках, и чтобы было красиво смотреть на них, когда они стоят на полке. А когда кто-то из друзей спрашивал, что мне подарить на тот или иной праздник, я отвечала, что книгу, причём назвала автора и издание, чтобы пополнить свою коллекцию. И со временем у меня образовалась хорошая библиотека, в которой были книги на любой вкус и для чтения в любом

настроении. Каждую из них я прочла, а некоторые – по два-три раза. Но я читаю очень аккуратно, поэтому, глядя на мои книги, можно было подумать, что они только что из книжного магазина. Дочь и сын тоже рано пристрастились к чтению, и книги всегда были для нас чем-то большим, чем просто предметом интерьера. Но однажды мне пришлось уехать из квартиры, где я прожила много лет. Свекровь делала всё, чтобы сжить меня со свету, и это ей почти удалось. И если бы я тогда не уехала, то давно бы уже кормила червей на каком-нибудь кладбище. Мы уезжали с детьми в спешке, взяв только самые необходимые вещи. Книги, к сожалению, в их число не входили. Да и вообще в той квартире осталось много нашей одежды и других вещей. Например, моя медаль за десять лет безупречной службы в МВД России. Главное, удостоверение у меня осталось, потому что мне вручили его позже, а медаль я принесла домой, чтобы показать детям, какая у них мама молодец. В итоге, после нашего спешного отъезда свекровь, вероятно, чтобы ещё больше навредить мне, стала с лёгкостью раздавать наши вещи, включая книги. Раздавала всем желающим и просто так, лишь бы забрали. И когда я узнала об этом, то так расстроилась, что и не передать. Безумно жаль книги, которые я собирала с такой любовью, отказывая себе даже в еде, чтобы хоть на короткое время спрятаться от горестей этого мира в царстве прекрасного и удивительного. Причём я даже не удивилась, узнав, что свекровь так поступила. Она и раньше раздавала мои вещи у

меня за спиной, просто это было не так откровенно. Но меня поразило то, что книги и другие мои вещи забирали себе люди, которые знали меня, знали мою ситуацию, знали, что я не по доброй воле уехала из своего дома, а потому что свекровь вынудила меня это сделать. Знали, что однажды я вернусь туда. А если не я, то мои дети вернутся в эту квартиру, чтобы предъявить права на причитающееся им имущество. И что они увидят? Разграбленную квартиру? Причём разворованную не преступниками и не фашистами, а их же знакомыми, соседями, родственниками, которые просто воспользовались случаем и безнаказанно отхватили себе кусок чужого добра.

Мне бы просто совесть не позволила пойти на такое. Но, видимо, совестливость и порядочность давно уже превратились в атавизмы нашего общества, которые скоро совсем отомрут.

И сейчас мне очень горько и обидно не только из-за того, что всё нажитое мной добро за моей спиной с лёгкостью разбазаривают направо и налево те люди, которые прекрасно знают, каким нелёгким трудом я это добывала, но и из-за того, что вокруг слишком много тех, кто с радостью готов этим поживиться. Никто из них не сказал моей свекрови, как не сказал раньше моей матери: «Что же ты делаешь? Зачем раздаёшь вещи своей снохи (дочери)?». Ни в ком не разыгралась совесть. Ни в ком не проснулась порядочность. Все видели перед собой лишь шанс лёгкой наживы, и эти корыстные

чувства были гораздо сильнее любых благородных порывов.

И когда настанет день, что мы с детьми сможем вновь вернуться в квартиру, в которой жили раньше и которая принадлежит нам по праву, что нас там ждёт? Думаю, что лишь сожаления и горечь потери. Наверное, так чувствовали себя люди, возвращавшиеся в свои разграбленные дома после войны. Но они хотя бы знали, что пострадали от фашистов, врагов страны и были не одиноки в своём горе, так как дома их друзей и соседей тоже были разграблены и разорены. А у меня и моих детей не будет даже этого скромного утешения, потому что мои враги и мои грабители будут продолжать встречаться мне каждый день на улице, улыбаться и интересоваться делами, не испытывая ни малейшего стыда за свои поступки. А если я потребую вернуть своё, то получу мгновенный отказ, ведь никто не захочет расставаться со своим добром, пусть даже полученным незаконным или аморальным путём.

Их никто не осудит, никто не привлечёт к ответственности, даже собственная совесть. Наше общество и современная мораль позволяет им это – наживаться на горе других. И я просто не вижу способов каким-либо образом повлиять на это или изменить, потому что, боюсь, что время людей, подобных мне, ушло безвозвратно.

И теперь, когда я хочу что-то купить, причём не то, что необходимо мне или моим детям прямо сейчас и без чего мы не можем обойтись, а нечто с расчётом на будущее, то,

чем мне хотелось бы владеть, чтобы получать от этой вещи эстетическое удовольствие, я останавливаю себя. Где гарантия, что эта вещь пробудет в моей собственности хоть какое-то время? И боюсь я отнюдь не стихийных бедствий или наступления войны. Я боюсь, что стоит мне отвернуться, как близкий мне человек тотчас стащит эту вещь, чтобы продать за бесценок или просто отдать любому, кто его попросит, лишь для того, чтобы выказать свою щедрость за мой счёт.

Тот, кто сейчас читает эти строки, вполне вероятно, примет меня за параноика или ещё кого похуже, но в этой жизни я всё время чего-то лишаюсь, у меня всё время что-то отбирают, и сколько бы я не наживала добра, у меня бессовестно это забирают. Чувствую, что совсем скоро я стану подобна греческому мудрецу, говорившему, что он всё своё носит с собой, имея в виду знания и опыт. Ведь у меня тоже, кроме этих духовных богатств, ничего нет. Только в отличие от моего греческого собрата по несчастью, моя проблема состоит в том, что с помощью этого багажа мне всё никак не удаётся обеспечить должным образом себя и детей.

Я, как лягушка, попавшая в молоко, всё время стараюсь сбить своими лапами масло, но едва мне это удаётся, меня перебрасывают в новый кувшин, и приходится всё начинать сначала. И желающих получить сбитое мной масло так много, что я просто не смогу их всех накормить. Остаётся лишь добровольно утонуть или найти себе другую лягушку, которая станет делать эту работу за меня. Но и то и другое для

меня неприемлемо, так как моя совесть настолько велика и бездонна, что будет продолжать ежедневно чуть свет поднимать меня с постели, заставляя трудиться для своего и для общего блага, напоминая мне о долге, который, к сожалению, я никогда так и не смогу до конца выполнить.

Доброта и разбитые судьбы

Несколько лет назад случился в моей жизни такой разговор. Я разговорила со своим коллегой по имени Алексей, поведав ему о своих семейных неприятностях.

Выслушав меня, Алексей назидательным тоном сказал:

– Ты сама виновата во всех своих бедах.

– Это почему ещё? – обиженно произнесла я, ожидавшая услышать хоть каплю сочувствия или, по крайней мере, добрый совет по поводу того, как мне выбраться из того жизненного дерьма, в которое забросила меня судьба-злодейка и «благожелательные» родственнички.

– Ты сама позволила мужу и свекрови сесть тебе на шею и помыкать собой. Вот они и пользуются твоей слабостью. А если бы ты послала их всех куда подальше, им бы ничего не оставалось делать, как самим решать свои проблемы и зарабатывать деньги. А так они хорошо устроились и, естественно, ничего не хотят менять. Ты на них пашешь, зарабатываешь, ведёшь домашнее хозяйство, воспитываешь детей и ничего не просишь взамен. Вот они и стараются оставить всё как есть, потому что для этого им достаточно лишь прикрикнуть на тебя, – рассуждал Алексей. – А ты соберись с духом, да пошли их всех матом. Они тебя попросят что-то сделать, а ты им: «Пошли туда-то к такой-то матери! Вам надо, вот сами и делайте!» Сама увидишь, как всё изменится.

– Да, изменится, – с горечью произнесла я. – Если я поступлю так, как ты советуешь, то это перерастёт в огромнейший скандал. Они будут орать на меня, а я на них, а мои бедные дети будут стоять рядом и всё это слушать. Им и так в жизни тяжело приходится. Отец – алкоголик, бабушка – психопатка и истеричка. И единственный их оплот в жизни – это я. Потому что я всегда сохраняю спокойствие и удерживаю равновесие в нашей семье и при любом удобном случае стараюсь увести их из дома куда-нибудь, чтобы отвлечь от этого бардака, который царит в нашей семье, и дать заряд положительных эмоций, так как без этого мы бы с ними давно сошли с ума.

– Но ты же не пробовала! – не желал прислушиваться к моей точке зрения Алексей.

– В том-то и дело, что пробовала, – грустно сказала я. – Без мата, конечно.

– А надо с матом! Чтобы они прочувствовали, с кем имеют дело!

– Я так не могу, – опуская взгляд, произнесла я. – Потому что в этом случае я уподоблюсь им, опустившись на их уровень, и стану ничем не лучше их.

– Вот видишь, ты сама выбрала этот путь! Ты смирилась. А если бы ты каждый день ставила своего мужа и свекровь на место, то сейчас мы бы не вели с тобой этот разговор, – продолжал стоять на своём Алексей.

– Поверь, я каждый божий день пытаюсь отстаивать свои

права, но только делать это в общении с неадекватными людьми очень сложно.

– Нет, всё дело в тебе, – продолжал читать нотации Алексей. – Ты – безотказная. И все кругом это видят, а бессовестные люди этим пользуются.

В тот момент мне ужасно захотелось прекратить этот болезненный разговор, заставив Алексея замолчать и уйти, но его было не остановить.

– Вот возьмём гипотетическую ситуацию, – продолжил он рассуждать, чтобы переубедить меня. – К тебе подходит человек, которого ты люто ненавидишь. И просит тебя сделать что-то, что ты никогда бы не сделала для себя. То, что противоречит всем твоим принципам. Но он становится на подоконник и говорит тебе, что спрыгнет вниз, если ты не сделаешь то, о чём он просит. И как ты поступишь в этой ситуации?

– А этаж высокий? – сразу же спросила я, чтобы максимально точно представить в своём воображении эту сцену.

– Достаточно высокий, чтобы разбиться, – уточнил Алексей.

Я задумалась. Вот реально, если бы от меня зависела жизнь человека, как бы я поступила? Даже если этот человек мне всячески противен, и я не хотела бы его никогда видеть? Но он пришёл ко мне и просит оказать услугу, которую я сделать в состоянии, но совершенно не горю желанием это делать. Как бы я поступила?

– Я бы сделала то, что он просит, – вслух произнесла я, отвечая на вопрос.

– Вот! – торжествующе произнёс Алексей. – Что и требовалось доказать. И пока ты не поймёшь это и не изменишься сама, в твоей жизни тоже ничего не изменится. Ты так и будешь оставаться жертвой. И тобой будут пользоваться не только члены твоей семьи, но и все твои начальники, коллеги, соседи и просто знакомые. И ты будешь продолжать от этого страдать, но ничего не станешь менять.

Мне было ужасно больно это слышать, и я готова была просто растерзать Алексея за эти слова, но он был прав.

Но основная проблема заключалась не в этом, а в том, что я была не готова, да и не хотела себя менять. Я считала, что являюсь скромным, добрым и отзывчивым человеком, что само по себе есть преимущество. И если я буду поступать хорошо с другими людьми, то они это увидят, оценят и воздадут мне по заслугам. Но как бы не так! Это в религии нас учат подставлять другую щёку и прощать своих врагов. А в реальной жизни расплата настигает лишь тех, кто не умеет с мечом в руках постоять за себя, отстаивая свои интересы и права, потому что спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Когда мне было пять лет, я дружила с девочкой из соседнего дома по имени Алла. Мы ходили в одну группу детского сада, а по вечерам и по выходным дням часто вместе играли во дворе.

И вот однажды мы играли за моим домом и катались с горки. Раньше, в советские времена, все горки на детских площадках были металлическими. И вот мы поднялись с Аллой на горку, и я хотела скатиться с неё, но подруга предложила прыгнуть на землю.

Расстояние до земли было достаточно большим, а я всегда отличалась благоразумием, поэтому отказалась прыгать. Тогда Алла столкнула меня. Я упала, пересчитав боками и животом все металлические ступени. А упав, не смогла подняться. Алла испугалась и тоже прыгнула. Но в отличие от меня, свалившейся с горки неожиданно, Алла смогла оттолкнуться и пролететь мимо ступеней. Но, правда, приземлившись, она ударилась о землю коленкой и поранила её. Заревев во весь голос, Алла побежала домой, забыв обо мне. Я же кое-как поднялась на ноги и, искровавленная с головы до ног, поплелась домой.

Дома была мама и я сказала ей, что упала с горки, ни словом не упомянув об Алле, чтобы не подставлять подругу. Мой живот был похож на решето, на руках и ногах были ссадины, но, по счастью, переломов не было. Мама обработала раны зелёной, перевязала живот бинтами, и я надеялась, что случившееся останется в моей памяти лишь досадной случайностью. Но на следующий день мама Аллы пришла в детский сад и в присутствии всех детей и воспитателей принялась стыдить меня за то, что я, якобы, намеренно столкнула её дочь с горки, отчего та поцарапала коленку и лишь

чудом осталась жива.

Я стояла посреди группы, еле сдерживая слёзы и шептала, что Алла сама прыгнула с горки, и я её не сталкивала, но меня никто не слушал. Все слушали лишь маму Аллы, которая отчитывала меня и выставляла перед всем миром этой малолетней преступницей, покушавшейся на жизнь её дочери. А мне так хотелось задрать своё платье и показать израненный живот, руки и ноги, чтобы продемонстрировать этой женщине, что сделала со мной её обожаемая доченька. Но мне было стыдно оголять своё тело перед всей группой. Поэтому я молчала и продолжала глотать слёзы, выслушивая несправедливые обвинения.

Только вот. Молчание и скромность до добра мало кого могут довести, потому обидевшись, даже если обида произошла только в его воображении, человек готов строить любые козни, чтобы отомстить своему обидчику, и не способен остановиться даже тогда, когда на кон ставится не только репутация, но и жизнь другого человека.

В городе Долгопрудный Московской области есть детская секция каратэ, в которой работал молодой тренер по имени Рамил. И, как следует из его имени, по национальности этот парень – азербайджанец. И все знакомые ласково называли его Гасанчик, потому что Гасан – имя его отца.

Большая часть учеников Гасанчика – призёры и медалисты городских и районных соревнований, потому что он всю душу вкладывал в своих учеников, добиваясь не только вы-

соких результатов, но и взаимного уважения в среде своих подопечных, внушая им, что нельзя использовать свою силу во зло.

Кроме занятий в секции каратэ Гасанчик проводил занятия ещё и в детском саду, обучая малышей основам большого спорта. И вот на одном таком занятии четырёхлетняя девочка случайно упала, поранившись. И тренер, взяв малышку на руки, отнёс её в помещение тренерской, чтобы обработать ранку. Они отсутствовали ровно пятьдесят две секунды, что подтверждается видеосъёмкой, которая велась в спортивном зале. Кроме того, дверь тренерской постоянно оставалась открытой, что также даёт основание предполагать, что ничего предосудительного за ней не происходило. И ровно через пятьдесят две секунды тренер с малышкой, как ни чём не бывало, вышли из комнаты в зал к остальным детям, после чего спортивные занятия продолжились. А на следующий день Рамила арестовали, предъявив ему обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью четвёртой статьи 132 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно насильственные действия сексуального характера, совершённые в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

А дело было в том, что девочка, которой тренер обработал ранку, вечером сообщила своей мамаше, что у неё с дядей Рамилом есть секрет, не сообщая о сути секрета. И мама, недолго думая, побежала в полицию и написала заявление

о том, что бессовестный азербайджанец развратил её дочь, пользуясь её беспомощностью.

В полиции тоже не стали долго думать и арестовали Рамила. В тот же вечер под пытками у него было выбито признательное показание, а через несколько месяцев состоялся суд. И хотя ни одна из проведённых экспертиз не подтвердила того, что над девочкой было совершено надругательство, Рамила осудили на двенадцать лет.

Суд не учёл, что семья девочки сама по себе является странной. Одинокая озабоченная мамаша и отец, спешно лишённый родительских прав сразу же после развода с женой. А на страницах в социальных сетях отца девочки содержались подозрительные ссылки на некие сайты сексуального характера, включая тему инцеста. И, если проанализировать эти факты, становится неудивительным, что у малышки в таком возрасте возникают различные фантазии в отношении молодого и симпатичного тренера. Ведь в качестве единственного аргумента против Рамила были лишь слова девочки о наличии некоего секрета между ней и тренером.

В связи с этой горькой историей на ум приходит датский фильм «Охота» 2012 года с Мадсом Миккельсеном в главной роли, когда маленькая девочка, влюблённая в воспитателя-мужчину, произнесла одну-единственную фразу, услышанную ею от друга старшего брата. И после этого судьба воспитателя была решена. Его арестовали, предъявив обвинение в том же преступлении, что долгопрудненского трене-

ра. Весь фильм героя Мадса Миккельсена травили, избивали и издевались над ним, а на все его слова оправдания, твердили одну фразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.